

УДК 94(476); ББК 63.3(4); DOI <https://doi.org/10.21638/spbu19.2022.107>

П. А. Воробьёв

ОБРАЗ ВИЗАНТИИ В НАРРАТИВАХ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО И РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ (XV – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVII ВЕКА)

Цивилизационное наследие Византии и после падения под ударами турок Константинополя (1453) продолжало оказывать влияние на целые народы и государства. «Культурная византинизация»¹ восточных славян (руси) в Средневековый период обширно изучалась и историками, и искусствоведами, однако выявление конкретных механизмов распространения и осмысления наследия Византии (в нашем случае применительно к Великому княжеству Литовскому (ВКЛ) и Речи Посполитой) остается малоисследованной и важной научной проблемой².

Короли польские и великие князья литовские, католики по вере, если и интересовались наследием Византии, то не в его имперской плоскости, а в части церковного искусства. Например, известен интерес к византийскому церковному искусству, проявленный польским королем Ягайло (1386–1434) и его младшим сыном, великим князем литовским и королем польским Казимиром IV (1440–1492)³. По замечанию В. Г. Ченцовой, урожденная француженка, польская королева Мария Луиза Гонзага

¹ Термин введен американским византинистом И. И. Шевченко (*Ševčenko I.* Byzantium and the Slavs // *Harvard Ukrainian Studies*. 1984. Vol. 8. No. 3/4. P. 297). См. также: *Лильо I. М.* Греки на території Руського воєводства у XV–XVIII ст. Львів, 2019. С. 56.

² См., например: *Силова С. В.* 1) Влияние Византии на культурное развитие и образ жизни горожан ВКЛ (XIV–XVI вв.) // *Гарады Беларусі ў кантэксце палітыкі, эканомікі, культуры*. Гродна, 2007. С. 245; 2) Влияние византийской южнославянской православной культурной традиции и историографии на процесс формирования исторического сознания белорусского общества в XIV–XV вв. // *Хрысціянства ў гістарычным лёсе беларускага народа*. Гродна, 2008. С. 72.

³ *Воронин В. А.* К проблеме взаимоотношений православных и католиков в Великом княжестве Литовском в конце XIV – середине XVI в. // *Исторический вестник*. 2014. Т. 7. № 154. С. 144.

(1645–1667) гордилась тем, что в числе ее предков были византийские императоры из династии Палеологов⁴.

При этом важно учитывать, что большинство шляхетских родов ВКЛ на протяжении XV–XVI вв. перешло из православия в католицизм и протестантизм. Тогда же, в XVI в., литовская шляхта заявила о своем происхождении от древнеримского патриция Палемона, а среди польской шляхты доминировал сарматизм, возводивший ее происхождение к сарматам. Таким образом, для польско-литовской шляхты как сословия наследие Византии не являлось источником собственной идентичности.

Эта переориентация интересов отразилась и в летописании ВКЛ: Византии в нем уделяется мало внимания. Белорусско-литовские летописи XV – первой половины XVII в. о византийской истории, политическом положении Византийской империи и церковных контактах земель Руси с Константинополем сообщают довольно скупо. Во многом это связано с тем, что с конца XIV в., в процессе интеграции с Польшей, фокус общественно-политической мысли ВКЛ все больше смещался на запад.

«Хроника Быховца» сообщает о приезде послов византийского императора Иоанна VIII на Луцкий съезд 1429 г.⁵ Однако в отличие от нее, где автор хотя и сообщает о падении Константинополя в 1453 г., но никак не комментирует это событие⁶, Бартоломей Зиморович в своей хронике «Тройной Львов»⁷ (памятнике украинского и польского летописания, доведенном до 1633 г.) отмечает, что захват турками Константинополя «поразил христианский мир» и вынудил многих греков искать убежище во Львове⁸. Как отмечал белорусский историк О. И. Дзярнович, сведения о Византии присутствуют также в Никифоровской (где Византии уделяется довольно большое внимание в наиболее древней части памятника, отражены внутренние неурядицы в Империи), Супрасльской (где византийская монархия оценивается наиболее положительно), Слуцкой (где отражены контакты между Княжеством и Византией под 1420 и 1432 гг.) и Волынской краткой (где падение Константинополя интерпретируется как «Божие поущение») летописях⁹. Однако в целом в летописном нарративе ВКЛ византийским сюжетам уделялось заметно меньше внимания, нежели в российском средневековом летописании XV–XVI вв.

В ВКЛ и Речи Посполитой наследие Византии было актуальным, прежде всего, для православной среды — духовенства, представителей немногочисленной православной

⁴ *Ченцова В. Г.* Данил Калугер / Даниил Грек / Даниил Оливенберг: неизвестные страницы биографии политического агента эпохи Богдана Хмельницкого // Средневековая личность в письменных и археологических источниках: Московская Русь, Российская Империя и их соседи. М., 2016. С. 217.

⁵ *Хроніка Вялікага Княства Літоўскага, Жамойцкага і Рускага («Хроніка Быхаўца») // Летапісы і хронікі Вялікага Княства Літоўскага (XV–XVII стст.).* Мінск, 2015. С. 172. — Луцкий съезд европейских монархов был организован великим князем литовским Витовтом, в том числе — для обсуждения вопросов оказания помощи грекам в противостоянии туркам.

⁶ *Хроніка Вялікага Княства Літоўскага, Жамойцкага і Рускага...* С. 197.

⁷ *Зіморавіч Б.* Потрійний Львів: Leopolis Triplex. Львів, 2002. С. 12, 18.

⁸ *Зіморавіч Б.* Потрійний Львів... С. 83.

⁹ *Дзярновіч О. І.* Византия в нарративной традиции Беларуси эпохи Средневековья и раннего Нового времени // Сны о Византии? Место цивилизационного и культурного наследия Византии в регионе Пограничья Центрально-Восточной Европы. Вильнюс, 2014. С. 36–37, 41–42.

шляхты и образованных мещан. Осмысление ими этого наследия происходило, в том числе, благодаря их личному общению с греками из Османской империи и Италии, греческим книгам и их переводам¹⁰, а также через систематическое изучение греческого языка. Все эти «инструменты» приобщения к наследию Византии были доступны далеко не всем. Но в то же время многие могли приобщиться к нему (осознанно и неосознанно), посещая православные и (в меньшей степени) униатские и католические храмы и монастыри.

Важной площадкой культурного обмена наследием Византии между греками и представителями руси были православные братства, которые успешно развивались во второй половине XVI в. В частности, свою принадлежность к византийской церковной традиции, как отмечает российский историк Ю. Э. Шустова, ощущали львовские братчики¹¹. Следует заметить, что они в деле восприятия наследия Византии были весьма активными. Вспомнить хотя бы письма Львовского братства, отправленные константинопольскому патриарху Иеремии и проникнутые послушанием византийским церковным канонам. Причем в процессе взаимного общения у православной руси и греческой диаспоры ВКЛ и Речи Посполитой складывалось не только общее понимание веры, но и осознание сходства условий жизни обоих народов: как над греками господствуют иноверные турки, так над православной русью — католики, а позднее и униаты.

У православного народа «русь» и вовсе складывалось впечатление, что под властью турецких султанов греки имеют больше свободы, чем православные под властью польских королей, ведь иноверные турки, в отличие от католиков, не вмешивались в православное вероучение¹². Как справедливо указывает белорусский историк К. О. Апанович, если в Речи Посполитой на законодательном уровне в 1596–1632 гг. православная церковь была нелегальной, то в Османской империи она являлась законным учреждением и обладала юридическими правами¹³. Хотя в то же время под властью турок восточная (православная) церковь находилась в тяжелом материальном положении, поэтому частым событием в жизни ВКЛ и Речи Посполитой (особенно с конца XVI в.) являлся транзитный проезд греков (особенно представителей их духовенства), к примеру, в Москву с расчетом получить милостыню от тамошнего православного царя. Немаловажно, что от таких путешественников местные жители могли получить актуальную информацию о состоянии дел в «бывшем византийском» мире.

Получаемая греками материальная помощь от московских, молдавских и румынских православных правителей, а также от частных лиц (подданных Речи Посполитой в том числе), питала их надежды на освобождение Константинополя из-под турецкого

¹⁰ Тема греческой книжности в Великом княжестве Литовском и Речи Посполитой рассматриваемого периода требует отдельного исследования.

¹¹ Шустова Ю. Э. Документы Львовского Успенского Ставропигийского братства (1586–1788): Источниковедческое исследование. М., 2009. С. 119.

¹² Лильо Г. М. Греки на території Руського воєводства... С. 157. — См. также: Копыстенский З. Палинодия или Книга обороны кафеолической святой апостолской Восточной Церкви и святых патриархов, и о Греках, и о Россох христианех // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. СПб., 1878. Т. 4. С. 819.

¹³ Апанович К. О. Православие в Речи Посполитой и Османской империи в конце XVI – первой трети XVII в. // Христианское чтение. 2015. № 6. С. 66, 69.

владычества¹⁴. В этом отношении в греческой диаспоре Речи Посполитой особенно выделялась группа критских (венецианских) греков¹⁵, которая рассчитывала на ослабление Османской империи за счет ее военных конфликтов с Речью Посполитой и Московским государством¹⁶. Украинский историк И. Н. Лильо и вовсе высказал предположение, что в конце XVI – XVII в. заинтересованные представители греческого духовенства и многие светские представители греческой диаспоры, возможно, согласились бы на объединение украинских земель, Московского государства и «Новой Византии» после победы над турками в своего рода неоправославную империю со столицей в Константинополе¹⁷. Однако такие проекты были оторваны от реальности.

Значительная роль в деле актуализации наследия Византии на землях ВКЛ и Речи Посполитой принадлежит той части православной шляхты, которая могла себе позволить печатать греческие книги и их переводы, а также приглашать греков к себе на службу. Самым влиятельным православным шляхтичем (магнатом) периода подготовки и обсуждения Брестской унии являлся князь Василий-Константин Острожский (1526–1608).

Церковную унию 1596 г. князь Острожский считал незаконной и недействительной. Как заметил белорусский историк С. Ф. Веремеев, заключение унии между католиками и православными князь считал возможным лишь с согласия восточных патриархов¹⁸. Но так как на Брестском униатском соборе их представителей не было, поэтому для сторонников князя Острожского и его самого были все основания не признавать унию. Причем последние, в отличие от сторонников воссоединения церквей, не признавали за перешедшим в унию епископом луцким и острожским Кириллом Терлецким его экзаршеский статус, позволявший ему представлять интересы константинопольского патриарха¹⁹.

Многих греков князь Острожский знал лично, некоторые из них находились у него на службе. Он также имел непосредственный контакт с константинопольскими патриархами и их официальными представителями (экзархами). Примечательно, что в изготовленной на его средства «Острожской Библии» (1581) ее издатель (Герасим Данилович Смотрицкий) панегирически уподобил князя византийскому императору Константину Великому, узаконившему и защищавшему христианство²⁰. Уподобление князя Острожского византийским императорам содержится также в «Палинодии» (1621) — сочинении православного полемиста Захарии Копыстенского (умер в 1627 г.). В нем князь

¹⁴ *Бырлэдяну В.* Ностальгируя по империи, или *Byzance après Byzance...* в средневековой Молдавии (второй половины XV – XVIII в.) // *Сны о Византии? ...* С. 102.

¹⁵ До 1646–1669 гг. греческий остров Крит принадлежал Венецианской республике.

¹⁶ *Лильо І. М.* Греки на території Руського воеводства... С. 143–144.

¹⁷ *Лильо І. М.* Греки на території Руського воеводства... С. 144.

¹⁸ *Веремеев С. Ф.* Ипатий Потей — христианин, сенатор, епископ: Между Востоком и Римом // *Палеоросия. Древняя Русь: Во времени, в личностях, в идеях.* 2021. № 1. С. 60.

¹⁹ См.: *Соборная грамота киевского митрополита Михаила Рагозы и православных епископов... о вступлении их в союз с римскою церковью...* от 8 октября 1596 года // *Уния в документах: Сборник / Сост. В. А. Теплова, З. И. Зуева.* Минск, 1997. С. 138. № 29.

²⁰ *Терновский Ф. А.* Изучение византийской истории и ее тенденциозное приложение в Древней Руси. Вып. 1. Киев, 1875. С. 26; *Луговцова С. Л.* Оценка личности и деятельности князя Василия (Константина) Острожского в украинской историографии // *Крыніцазнаўства, археаграфія, архівазнаўства ў XX–XXI ст. у Беларусі.* Мінск, 2007. С. 115.

уподоблен сразу двум византийским императорам — Василию Македонянину, который вместе с константинопольским патриархом Фотием соборно отверг латинское прибавление филиокве («и Сына») к никео-цареградскому символу веры, а также Андронику, который не только православную догматику в целостности соборно сохранил, но и «апостатов и папезников з Греции выгнал»²¹.

Мы видим, что в окружении Василия-Константина Острожского предпринимались попытки причислить его к духовным преемникам византийских императоров. Однако он сам, при известном масштабе своей персоны, к развитию идеи преемственности, вероятно, не стремился. В пользу этого говорит и тот факт, что он не принял проект грека Дионисия Ралли о переносе резиденции вселенского патриарха в город Острог.

Князь Острожский, понимая, что родная ему православная вера пользуется всяческой поддержкой в соседнем Московском государстве, все же, как отмечает украинский историк В. И. Ульяновский, не разделял внешнеполитического пафоса концепции «Москва — третий Рим»²². Да и в своем поиске идентичности для православной руси он в качестве ее духовной родины на первое место ставил Иерусалим, а не Константинополь²³.

После 1596 г. на законодательном уровне Киевская православная митрополия прекратила свое существование, так как была заменена на митрополию униатскую. Противники унии с этим не согласились. Развернулась религиозная полемика, которая стала одним из центральных «нервов» общественно-политической мысли Речи Посполитой конца XVI – первой половины XVII в. Именно в сочинениях полемистов наследие Византии получило наибольшую актуализацию, причем оно оценивалось ими во многом в зависимости от их конфессиональной принадлежности. Таким образом, далее мы постараемся определить место наследия Византии в православном, униатском и католическом полемическом нарративе.

В среде православных авторов Константин Великий почитался не просто как первый византийский император и защитник христиан, но и как активный организатор и участник первого вселенского собора²⁴. Они также помнили историю о том, как византийская царица Елена обрела в Иерусалиме Животворящий Крест, на котором был распят Иисус Христос²⁵. Ими упоминается и сюжет о небесном явлении Константину победного креста в битве с Максенцием²⁶.

Заметная полемика развернулась вокруг «Константинова дара» (грамоты о передаче Константином Великим римскому епископу Сильвестру города Рима в вечное владение). По замечанию украинского исследователя П. М. Краляка, иезуит Петр Скарга (1536–1612) и униат Ипатий Потей (1541–1613) в полемике с православными обращались

²¹ *Копыстенский З.* Палинодия... С. 1138.

²² *Ульяновский В. И.* Князь Василь-Костянтин Острозький: Історичний портрет у галереї предків та нащадків. Київ, 2012. С. 573–574.

²³ *Левшун Л. В.* «Русская идея» в эпистолярном наследии князя Василия-Константина Острожского // *Studia Historica Europae Orientalis*. 2020. Вып. 13. С. 105.

²⁴ *Копыстенский З.* Палинодия... С. 1132.

²⁵ См., например: *Данило Корсунський.* Перегринация, ілі Путь до Іерусалима // *Українська література XIV–XVI ст.* Апокрифи. Агіографія. Паломн. твори. Історіограф. твори. Полем. твори. Переклад. повісті. Поет. твори. Київ, 1988. С. 72.

²⁶ *Списаніє противь люторовъ* // *Памятники полемической литературы в Западной Руси.* СПб., 1903. Кн. 3. С. 81. — Написано православным автором в XVI в.

к этой грамоте, рассчитывая, что их оппоненты не осведомлены о ее подложности²⁷. Однако образованные защитники православия, как правило, о поддельности грамоты знали²⁸, хотя исключения были. Так, православный писатель доберестейского периода Исая Каменчанин (умер после 1592 г.), будучи человеком образованным, подлинность грамоты под сомнение не поставил. Он без доли скепсиса повествует, что Константин Великий исцелился через принятие крещения от епископа Сильвестра и подарил последнему Рим и царскую диадему. В то же время Исая считал, что преемники Сильвестра по римской кафедре сошли с правильного духовного пути своего предшественника²⁹.

Одно из замечаний, высказанное православными в адрес сторонников Брестской унии, состояло в том, что она должна была обсуждаться при активном участии мирян, равно как и всех чинов духовенства³⁰. Однако сторонники унии старались минимизировать влияние светских особ на дела церкви, в том числе влияние князя Василия-Константина Острожского. И во многом исходя из своего понимания роли мирян в проведении церковных соборов, полемисты оценивали участие в них византийских императоров.

По мнению католических и униатских авторов, на первых семи вселенских соборах именно папа римский обладал правом решающего голоса³¹. В ответ на это православный Захария Копыстенский пишет, что на этих соборах лично папа римский никогда не присутствовал, папские легаты никогда не первенствовали, а в реальности председательствовали (из семи соборов в пяти случаях) константинопольские патриархи³².

²⁷ *Кралоук П. М.* Мелетій Смотрицький і українське духовно-культурне відродження кінця XVI – початку XVII ст. Острог, 2007. С. 72.

²⁸ Как минимум, о поддельности «Константинова дара» знали действовавшие от имени православных такие полемисты, как Христофор Филалет (см.: *Христофор Филалет.* Апокрисис, албо отповедь на книжки о Соборе Берестейскомъ // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. СПб., 1882. Т. 7. С. 1552), Мелетий Смотрицкий в православный (доуниатский) период своей жизни (см.: *Кралоук П. М.* Мелетій Смотрицький... С. 72), а также Захария Копыстенский (см.: *Копыстенский З.* Палинодия... С. 324–325). Следует отметить, что Христофор Филалет — это псевдоним. Его предполагается настоящее имя — Мартин Броневский (польский протестант, который выступал в защиту православия при поддержке князя Острожского).

²⁹ *Исайя Кам'янчанин.* Список с листа Исаина слово в слово, который писал до великого князя московскаго Ивана Василиевича // Українська література XIV–XVI ст. ... С. 190–191. — Отметим, что «Список с листа...» был написан к маю 1567 г.

³⁰ *Копыстенский З.* Палинодия... С. 1128. — Брестскую унию Захария Копыстенский считал вероотступничеством пяти православных епископов и митрополита (*Копыстенский З.* Палинодия... С. 1054). — Важно также указать, что Захарии Копыстенскому, написавшему «Палинодию» относительно 1596 г. довольно поздно (1621), во многом удалось суммировать аргументы как защитников, так и противников православия, опубликовавших свои сочинения до выхода в свет «Палинодии». Это касается и произведения униата Льва Крвзы «Оборона церковного единства» («Оброна jedności cerkiewneу», 1617), поскольку «Палинодия» — это ответ на «Оборону» Крвзы.

³¹ В качестве определенного исключения католические и униатские полемисты, которые стремились подчеркнуть незначительную в сравнении с римскими папами роль византийских императоров в проведении вселенских соборов, участие императора Иоанна VIII в работе Ферраро-Флорентийского униатского собора оценивали положительно.

³² *Копыстенский З.* Палинодия... С. 536, 551.

Защитники православия также подчеркивали значимость византийских императоров в истории церкви³³. Христофор Филалет прямо указывал, что именно они, а не папы римские и их легаты имели решающий голос при разрешении церковных споров³⁴. Дополнительно отметим, что и католик Станислав Ореховский (1513–1566)³⁵ в доберестейский период отмечал, что императоры Константин и Феодосий Великие, устраняя внутрицерковные распри, действовали на общее благо³⁶. Христофор Филалет также высоко оценивал деятельность Феодосия, подчеркивая, что своим подданным император предоставил свободу веры³⁷.

Католические и униатские полемисты заявляли об исконных правах папы римского на земли Руси, тем самым оспаривая права константинопольского патриарха. В частности, они утверждали, что киевские митрополиты еще со времен крещения Руси были в духовном единстве с Римом, тем более что оно произошло в то время, когда и сам константинопольский патриарх находился в этом единстве — до великого церковного раскола 1054 г.³⁸ Православный Захария Копыстенский с такими доводами категорически не был согласен. Он отмечал, что во времена крещения Руси папа римский уже находился в расколе, и что это обстоятельство учитывал великий князь киевский Владимир, когда выбирал между обрядом греческим и латинским в пользу первого³⁹.

Интересно, что вне религиозной полемики католик Бартоломей Зиморович выбор Владимира в пользу греческого обряда объясняет личными качествами византийской принцессы Анны⁴⁰, на которой, как известно, великий князь женился. В целом, за нею

³³ Например, как отмечает Захария Копыстенский, византийские императоры Константин Великий — активный участник первого вселенского собора, Маркиан — четвертого, Иоанн Палеолог — Ферраро-Флорентийского собора (*Копыстенский З. Палинодия... С. 1132–1133*). Но в то же время православные авторы прекрасно понимали, что не все византийские императоры действовали на благо церкви (*Копыстенский З. Палинодия... С. 763, 823*), что справедливо отметил Д. А. Смоляков (*Смалякоў Д. А. Сацыяльна-філасофскія погляды рэлігійных палемістаў у Беларусі канца XVI – сярэдзіны XVII стагоддзя. Мінск, 2020. С. 76*).

³⁴ Христофор Филалет. Апокрисис... С. 1436, 1522.

³⁵ Станислав Ореховский, будучи католиком и ощущая свою гражданскую принадлежность к Королевству Польскому, в то же время считал себя представителем руси по происхождению, сочувствовал ее положению в Польше, а также православию. Он известен и как критик папства.

³⁶ Станіслав Ореховський-Роксолан. Про турецьку загрозу слово друге (до польского короля Сигизмунда) // Українська література XIV–XVI ст. ... С. 109. — Защищая православную церковь, на Станислава Ореховского в позитивном ключе ссылается Захария Копыстенский (см., например: *Копыстенский З. Палинодия... С. 931*).

³⁷ Христофор Филалет. Апокрисис... С. 1806.

³⁸ О такой позиции иезуита Петра Скарги см.: Дзярновіч О. І. Расколотое сознание: Белорусская историография о византийском цивилизационном наследии // Сны о Византии? С. 116. — Такой позиции также придерживался униатский полемист Лев Кривза (см.: *Неменский О. Б. Русь и Константинополь в западнорусской полемической литературе после Брестской церковной унии 1596 г. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2010. № 5. С. 20*).

³⁹ *Копыстенский З. Палинодия... С. 1002*.

⁴⁰ Под словом «підлесливість», которое используется в украинском издании «Хроники» Зиморовича в отношении принцессы Анны, видимо, следует понимать угодничество, лстивую покорность или низкопоклонство.

Зиморович признавал большую роль в евангелизации Руси⁴¹. Также не в контексте обсуждения церковной унии католик Станислав Ореховский не только не отрицал того, что греки крестили Русь, но и подчеркивал, что благодаря им Русь оставила «скифскую необразованность и дикость»⁴². Но впоследствии, как пишет Ореховский, многие шляхтичи, в отличие от крестьян, перешли к латинскому обряду⁴³.

Униаты, как отмечает российский историк О. Б. Неменский, за первых два десятка лет после заключения Брестской унии создали новую концепцию истории Киевской митрополии. Эта концепция строилась на утверждении о том, что русская церковь, как и восточная, всегда была в римском послушании и лишь иногда впадала в раскол. Таким образом, согласно этой концепции, Брестская уния была очередным возвратом Руси к единству с Римом⁴⁴. По мнению одного из создателей этой концепции, униатского полемиста Льва Кревзы (1569–1639), русское духовенство осознанно перешло в римскую юрисдикцию еще во времена Ярослава Мудрого (XI в.), так как оно считало, что именно константинопольский патриарх виновен в церковном расколе⁴⁵. Правда, униатский киевский митрополит Михаил Рагоза (1540–1599) не был склонен обвинять в нем константинопольского патриарха, считая, что великий раскол есть действие антихриста и что именно в силу христианского неединства пала Византийская империя⁴⁶.

Униаты не отрицали того факта, что Русь приняла христианство из Константинополя, но опять же интерпретировали это по-своему: «Царигородские патриархове, от которых и сия страна Руская веру святую приняла, тууж зверхность столицы Римской Петра святого час немалый знали, <...> от которой хотяж многократно отступовали, але вспять з нею едналися и до послушенства ее вертали, а остатне на соборе Флорентском»⁴⁷.

Таким образом, согласно униатской концепции истории Киевской митрополии, Константинополь и Русь в 1439 г. признали Флорентийскую унию⁴⁸. В ответ на аргументы своих оппонентов православные полемисты отстаивали тезис о том, что все законные предстоятели Киевской православной митрополии, на протяжении всего периода ее существования (от крещения Руси до провозглашения Брестской унии и позднее), подчинялись только константинопольским патриархам⁴⁹ и не признавали над собой власти папы римского⁵⁰.

⁴¹ *Зиморович Б.* Потрійний Львів... С. 32–34.

⁴² *Станіслав Орїховський-Роксолан.* Лист до Павла Рамузія. 15 серпня 1549 г., Перемишль // *Українська література XIV–XVI ст.* ... С. 153.

⁴³ *Станіслав Орїховський-Роксолан.* Лист до Яна Франціска Коммендоні. 10 грудня 1564 р., Радимно // *Українська література XIV–XVI ст.* ... С. 155–156.

⁴⁴ *Неменский О. Б.* Особенности этнической самоидентификации Мелетия Смотрицкого // *Леў Сапега (1557–1633 гг.) і яго час.* Гродна, 2007. С. 306.

⁴⁵ См.: *Неменский О. Б.* Русь и Константинополь... С. 21.

⁴⁶ См.: *Тимошенко Л. В.* Византийская церковно-религиозная традиция в истории Украины и Беларуси в период позднего Средневековья и раннего Нового времени // *Сны о Византии?* С. 80–81.

⁴⁷ *Соборная грамота...* от 8 октября 1596 года... С. 137.

⁴⁸ *Соборная грамота...* от 8 октября 1596 года... С. 138.

⁴⁹ *Христофор Филалет.* Апокрисис... С. 1152; *Копыстенский З.* Палинодия... С. 983, 1032, 1045, 1084. – См. также: *Неменский О. Б.* Русь и Константинополь... С. 17.

⁵⁰ *Копыстенский З.* Палинодия... С. 1035, 1123–1124.

Тезис об исконном единстве Руси с Константинополем Захария Копыстенский обосновывал, помимо прочего, утверждением о том, что христианство изначально произошло на земли Руси в результате миссии апостола Андрея Первозванного — первого в истории константинопольского патриарха⁵¹. В свою очередь, папу римского православные полемисты считали виновником церковного раскола⁵². А полемист Мелетий Смотрицкий (1577–1633) в православный период своей жизни⁵³ полагал, что сохранение единства киевских митрополитов с константинопольскими патриархами является необходимым условием общего процветания Речи Посполитой⁵⁴.

Следует признать, что в отличие от позиции Михаила Рагозы, связывавшего падение Византийской империи с отсутствием единства между христианами, католическим и униатским религиозным полемистам, все же было привычнее объяснять это событие нежеланием греков окончательно подчиниться папе римскому и нарушением ими условий Флорентийской унии⁵⁵. Со своей стороны, православные полемисты утверждали о том, что восточная церковь как общность духовенства и мирян ни в 1439 г., ни после того эту унию не признавала, да и сам Ферраро-Флорентийский собор нельзя считать действительным⁵⁶. При этом они не отрицали того факта, что флорентийский акт о воссоединении церквей подписал византийский император Иоанн VIII (1425–1448).

⁵¹ *Копыстенский З.* Палинодия... С. 969.

⁵² См., например: *Копыстенский З.* Палинодия... С. 806, 817, 884. — См. также: *Смалякоў Д. А.* Сацыяльна-філасофскія погляды... С. 23–24.

⁵³ Формальной датой перехода Мелетия Смотрицкого в униатство следует считать 6 июля 1627 г., когда он подписал акт присоединения к Брестской церковной унии в присутствии униатского киевского митрополита Иосифа Рутского (*Томсон Ф.* Мелетий Смотрицкий и уния с Римом: Религиозная дилемма в Рутении XVII века // 400 лет Брестской церковной унии 1596–1996. М., 1998. С. 196).

⁵⁴ См.: *Студинський К. Й.* «Антиграф», полемічний твір Максима (Мелетія) Смотрицького з 1608 р. // Записки Наукового товариства імені Тараса Шевченка. 1925. Т. 141–143. С. 21.

⁵⁵ См.: *Смалякоў Д. А.* Сацыяльна-філасофскія погляды... С. 138; *Тимошенко Л. В.* Византийская церковно-религиозная традиция... С. 71. — Униат Лев Крєвза также придерживался такой позиции (см.: *Смалякоў Д. А.* Сацыяльна-філасофскія погляды... С. 87). О непоследовательности отношения греков к Флорентийской унии свидетельствует тот факт, что византийские императоры признавали ее в 1439 и 1452 гг., а Константинопольский синод ее аннулировал в 1450 г. (до падения Константинополя) и в 1484 г. (в расширенном составе, будучи уже под турецкой властью). По мнению Мелетия Смотрицкого (в его униатский период жизни), греки оказались «в тяжкой неволе у неверных (турок. — *П. В.*), и в грубом невежестве» за их старинную ненависть к католикам и униатам. Здесь также следует отметить его более справедливое утверждение о том, что турки выступали против церковной унии греков с римской церковью (*Смотрицкий Мелетий.* Апология моему странствованию на Восток // Кирилло-Мефодиевский сборник. Лейпциг; Париж, 1863. Вып. 1. С. 51, 137).

⁵⁶ Православные авторы отмечали, что на Ферраро-Флорентийском соборе латиняне для достижения унии на своих условиях в отношении греков использовали подкупы, шантаж и физическое давление (см.: *Христофор Филалет.* Апокрисис... С. 1166, 1168, 1558, 1560; *Клірик Острозький.* Отпис на лист в Бозѣ велебного отца Ипатія, Володимирского и Берестейского епископа // Українська література XIV–XVI ст. С. 262, 274; *Копыстенский З.* Палинодия... С. 945–948, 1118, 1122). Православный полемист Афанасий Филиппович также считал, что Флорентийская уния не была законной. А Захария Копыстенский вовсе указывал, что унию 1439 г. даже поляки не приняли (*Копыстенский З.* Палинодия... С. 956).

Принятие им такого решения православный полемист Клирик Острожский⁵⁷ объяснял прагматическим желанием императора через подписание унии добиться от католических правителей получения военной помощи для борьбы с турками⁵⁸. Однако, как известно, поддержка поступила незначительная. К тому же в 1444 г. турки разгромили объединенную армию венгерских и польских крестоносцев.

На нежелание латинян оказать военную помощь Византийской империи православные полемисты также указывали. Более того, они ретроспективно усматривали заинтересованность папского Рима в дальнейшем ослаблении православной Империи⁵⁹. В представлении православного полемиста Афанасия Филипповича (около 1597–1648) латиняне не только не оказали византийцам помощь, но и после завершения Флорентийского собора открыли туркам проход к Греции⁶⁰. Как бы то ни было, унию 1439 г., опять-таки в надежде на получение военной помощи для борьбы с турками, в 1452 г. подтвердил последний византийский император — Константин XI (1449–1453). Интересно, что уже после падения Константинополя в 1453 г. многие его жители считали, что захват турками их города — это Божие наказание, которое постигло греческий народ за признание их императором унии, за отступление от православия⁶¹. Падение города они осмысливали и как явный признак скорого конца света⁶².

А по мнению Захарии Копыстенского, падение Византийской империи в определенной степени было предопределено задолго до подписания Флорентийской унии. Ведь папа римский Лев III, провозгласив императором франкского короля Карла Великого (800), ослабил греческое государство: этим провозглашением он «от восточных цесарев Греков» отделил западное царство⁶³. Возведение Карла в императоры Львом III, считал Копыстенский, означало отказ Рима от подчинения византийским императорам⁶⁴ и стало политическим основанием будущего церковного раскола.

В свою очередь католические полемисты подчинение православных греков иноверным туркам считали не только следствием чрезмерной греховности греков, но и явным признаком неистинности самого православия⁶⁵, однако защитники последнего с этим

⁵⁷ Клирик Острожский — псевдоним. Определение его личности остается проблемой.

⁵⁸ *Клірик Острозький*. Історія о Листрикійском, то есть о разбойническом Ферарском, або Флоренском Синоде, вкоротць правдиве списаная // Українська література XIV–XVI ст. С. 271. — По мнению того же Клирика Острожского, Иоанн VIII Божиим наказанием умер вскоре после заключения унии (Там же. С. 274), однако на самом деле он умер в 1448 г.

⁵⁹ *Христофор Филалет*. Апокрисис... С. 1548–1550; *Клірик Острозький*. Історія о Листрикійском... С. 274; *Копыстенский З*. Палинодия... С. 882.

⁶⁰ *Воробьёв П. А.* Византийское наследие в трудах А. Филипповича и С. Полоцкого // Актуальные проблемы источниковедения: Материалы VI Международной научно-практической конференции, Витебск, 23–24 апреля 2021 г. Витебск, 2021. С. 113.

⁶¹ См.: *Гудзяк Б. А.* Криза і реформа: Київська митрополія, Царгородський патріархат і генеза Берестейської унії. Львів, 2000. С. 19.

⁶² *Staniós-Korycka E.* Zrozumieć Bizancjum // *Res Historica*. 2016. Vol. 41. S. 268; *Стакопулос Д.* Краткая история: Византийская империя. М., 2020. С. 269.

⁶³ *Копыстенский З*. Палинодия... С. 761, 763, 817.

⁶⁴ *Копыстенский З*. Палинодия... С. 1127.

⁶⁵ О таком обвинении (аргументе) католиков в адрес православных лично слышал Афанасий Филиппович, будучи в Кракове (*Воробьёв П. А.* Византийское наследие в трудах А. Филипповича и С. Полоцкого... С. 114). О нем сообщается и в «Перестороге» — произведении начала

были не согласны. В их представлении церковь Христова всегда была притесняема⁶⁶, а событие 1453 г. позволило грекам освободиться от имперского (зачастую греховного) пафоса⁶⁷. То есть лишенные собственной государственности греки получили спасительную возможность сосредоточиться на духовном делании⁶⁸.

Христофор Филалет трагичность падения Византийской империи смягчал утверждением о том, что турецкий султан, «крови христианской неприятелен будучи», часто их (православных греков) защитником становится⁶⁹. Со своей стороны, Захария Копыстенский в защиту греков напоминал униатам и католикам, что римская церковь сама долгое время была в неволе у готов и лангобардов, причем эта политическая зависимость принесла ей духовную пользу⁷⁰. А Мелетий Смотрицкий (в православный период своей жизни) считал, что захват турками Константинополя был попущен Богом для того, чтобы восточная церковь не подчинилась Риму, не заразилась латинскими заблуждениями⁷¹.

В целом, православные полемисты отстаивали тезис о том, что греки под турецкой властью обладают главным — свободой веры и правом на совершение богослужений⁷². Но в то же время Захария Копыстенский призывает своего читателя нисколько не сомневаться в истинности пророчества византийского богослова Мефодия Патарского (около 260–312), который задолго до 1453 г. предсказал, что греки будут освобождены от завоевателей, однако полученную свободу они применят во вред своей духовной жизни, что и будет являться признаком скорого конца света⁷³.

Отдельной темой для исследования является восприятие наследия Византии в восточнославянской реформационной мысли. Здесь мы укажем лишь его некоторые черты применительно ко второй половине XVI в.

Для восточнославянской реформационной мысли ВКЛ и Речи Посполитой второй половины XVI в., на что указывает российский историк М. В. Дмитриев, характерно негативное восприятие исторических образов византийских императоров (за исключением императоров-иконоборцев) и греческой (восточной) церкви. А падение Империи авторы реформационной мысли объясняли тем, что Бог наказал православных греков за их властолюбие, корыстолюбие, отступление от заповедей Христа⁷⁴.

В качестве конкретного примера отметим весьма характерный памятник реформационной мысли — «Письмо половца Ивана Смеры к Великому князю Владимиру Святому». Автором источника является Андрей Колодынский. Известно, что он выходец

XVII в. анонимного православного автора (см.: Тимошенко Л. В. Византийская церковно-религиозная традиция... С. 86).

⁶⁶ Копыстенский З. Палинодия... С. 825, 880.

⁶⁷ Униат Лев Крвза отмечал, что в Византии константинопольские патриархи нередко служили позорным устремлениям своих императоров (см.: Смалякоў Д. А. Сацыяльна-філасофскія погляды... С. 119).

⁶⁸ Копыстенский З. Палинодия... С. 818, 857, 877.

⁶⁹ Христофор Филалет. Апокрисис... С. 1578.

⁷⁰ Копыстенский З. Палинодия... С. 553, 810, 823, 880.

⁷¹ См.: Томсон Ф. Мелетий Смотрицкий и уния с Римом... С. 178–179.

⁷² Копыстенский З. Палинодия... С. 834, 879, 929.

⁷³ Копыстенский З. Палинодия... С. 867–868.

⁷⁴ Дмитриев М. В. «Византийская» тема в восточнославянской реформационной мысли второй половины XVI в. // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. М., 1991. С. 150–151.

из Витебска, бывший православный диакон, перешедший из канонической православной церкви к последователям одного из лидеров православного вольнодумства XVI в. — Феодосия Косого. Свое сочинение Колодынский выдавал за подлинное письмо X в., якобы написанное в то время, когда великий князь киевский Владимир совершал выбор веры. М. В. Дмитриев заметил, что в «Письме» Колодынский (с экстраполяцией своей оценки на современный ему XVI век) православных греков характеризует как людей надменных и склонных ко лжи и задним числом предвещает гибель Константинополя в вечном огне.

В «Письме» также подчеркивается, что греческое духовенство при поддержке византийского императора навязывало другим народам «рабскую», православную форму христианства. Неудивительно, что совершенный выбор князя Владимира в пользу греческой веры Андрей Колодынский считал пагубным для Руси. Важно добавить, что «Письмо» долгое время считалось подлинным⁷⁵, поэтому могло оказывать на своего читателя особое влияние. Таким образом, в восточнославянской реформационной мысли ВКЛ и Речи Посполитой второй половины XVI в. наследие Византии воспринималось негативно как наследие греческой (восточной) церкви, тесно связанное с политической мощью православной Империи, обреченной на гибель в силу чрезмерной греховности греков.

В заключение следует отметить, что восприятие наследия Византии в общественно-политической мысли ВКЛ и Речи Посполитой позволяет проследить его рецепцию на всем восточнославянском пространстве периода позднего Средневековья и раннего Нового времени. Изучение этой научной проблемы, как отмечает белорусский историк А. В. Мартынюк, позволит ученым разных стран выйти за узкие рамки национальных историографий и совместно изучать общую историю Восточной Европы сквозь призму феномена «Византия после Византии» — влияния византийской цивилизации на восточноевропейское культурное пространство после падения Империи⁷⁶.

В частности, данное исследование позволяет сделать вывод о том, что в процессе обсуждения Брестской унии в письменной традиции ВКЛ и Речи Посполитой сложились православный, униатский, католический и реформационный нарративы, в которых образ Византии имел разные оттенки: от положительных до крайне негативных соответственно. Однако эти нарративы, хорошо дополняющие довольно скудные сведения о Византии местных летописей и хроник, схожи в одном: они склонны видеть в ней не имперское прошлое, а действующее церковное наследие греческого народа, оказавшее значительное влияние на исторические судьбы земель Руси.

Информация о статье

Автор: Воробьёв, Павел Анатольевич — аспирант, Республиканский институт высшей школы, Минск, Беларусь, Org ID 0000-0003-0340-8530, e-mail: wmd2013@mail.ru

Заголовок: Образ Византии в нарративах Великого княжества Литовского и Речи Посполитой (XV — первая половина XVII века)

⁷⁵ См. подробнее: *Дмитриев М. В.* «Византийская» тема... С. 142–150.

⁷⁶ *Мартынюк А. В.* 1) Древняя Русь после Древней Руси: К теоретической постановке проблемы // *Древняя Русь после Древней Руси: Дискурс восточнославянского не(единства)*. М., 2017. С. 32–33; 2) «Великий раскол» восточнославянской медиевистики: Семь тезисов к дискуссии // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2017. № 1. С. 152; 3) История средневековой Руси: От политической инструментализации и консерватизма академической традиции к аксиологическому пониманию // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2020. № 1. С. 27–28.

Резюме: Статья посвящена восприятию наследия Византии в общественно-политической мысли Великого княжества Литовского и Речи Посполитой в период с 1453 г. до середины XVII в. Уже во второй половине XVII в. из состава Речи Посполитой вышла Левобережная Украина, а Киевская митрополия вышла из-под юрисдикции константинопольского патриархата. Исследуется процесс влияния византийской цивилизации на восточнославянскую культуру после падения Византийской империи. Согласно полученным выводам, в процессе обсуждения Брестской унии в письменной традиции ВКЛ и Речи Посполитой сложились православный, униатский, католический и реформационный нарративы, в которых образ Византии имел разные оттенки — от положительных до крайне негативных. Однако эти нарративы, хорошо дополняющие довольно скупые сведения о Византии местных летописных источников, схожи в одном: они склонны видеть в ней не имперское прошлое, а действующее церковное наследие греческого народа, оказавшее значительное влияние на исторические судьбы земель Руси. Для польско-литовской шляхты как сословия наследие Византии не являлось источником собственной идентичности. Попытки актуализировать политическую идею освобождения Константинополя из-под власти турок исходила из среды греческой диаспоры Речи Посполитой. Однако подобные проекты здесь не получили одобрения и не были воплощены в жизнь. Даже крупный православный магнат князь Василий-Константин Острожский не поддержал пусть и сложный для исполнения, но более реальный проект о переносе резиденции константинопольского патриарха в город Острог. Он также не претендовал на политическую преемственность от византийских императоров, но не препятствовал идее о его преемственности духовной. В статье больше внимания уделяется сочинениям православных полемистов, потому как наследие Византии им казалось очень важным и заслуживающим особого внимания.

Ключевые слова: наследие Византии, Великое княжество Литовское, Речь Посполитая, падение Византийской империи, Киевская митрополия, константинопольский патриархат, греческая диаспора, религиозная полемика

Литература, использованная в статье:

- Апанович, Кристина Олеговна.* Православие в Речи Посполитой и Османской империи в конце XVI – первой трети XVII в. // *Христианское чтение.* 2015. № 6. С. 59–74.
- Веремеев, Сергей Федорович.* Ипатий Потей — христианин, сенатор, епископ: Между Востоком и Римом // *Палеороссия. Древняя Русь: Во времени, в личностях, в идеях.* 2021. № 1. С. 52–73.
- Воронин, Василий Алексеевич.* К проблеме взаимоотношений православных и католиков в Великом княжестве Литовском в конце XIV – середине XVI в. // *Исторический вестник.* 2014. Т. 7. № 154. С. 136–159.
- Гудзяк, Борис Андрій.* Криза і реформа: Київська митрополія, Царгородський патріархат і генеза Берестейської унії. Львів: Інститут історії церкви Львівської богословської академії, 2000. 426 с.
- Дзярнович, Олег Иванович; Бырлядяну, Виржилу; Тимошенко, Леонид Владимирович.* Сны о Византии? Место цивилизационного и культурного наследия Византии в регионе Пограничья Центрально-Восточной Европы. Вильнюс: Европейский гуманитарный университет, 2014. 332 с.
- Дмитриев, Михаил Владимирович.* «Византийская» тема в восточнославянской реформационной мысли второй половины XVI в. // *Византия. Средиземноморье. Славянский мир.* Москва: Изд-во МГУ, 1991. С. 141–154.
- Кралюк, Петро Михайлович.* Мелетій Смотрицький і українське духовно-культурне відродження кінця XVI – початку XVII ст. Острог: Вид-во Національного університету «Острозька академія», 2007. 208 с.
- Левицун, Любовь Викторовна.* «Русская идея» в эпистолярном наследии князя Василия-Константина Острожского // *Studia Historica Europae Orientalis.* 2020. Вып. 13. С. 97–116.
- Лильо, Ігор Миколайович.* Греки на території Руського воєводства у XV–XVIII ст. Львів: ЛНУ ім. І. Франка, 2019. 384 с.
- Луговцова, Светлана Леонидовна.* Оценка личности и деятельности князя Василия (Константина) Острожского в украинской историографии // *Крыніцазнаўства, археаграфія, архівазнаўства ў XX–XXI ст. у Беларусі.* Мінск: БДУ, 2007. С. 114–120.
- Мартынюк, Алексей Викторович.* «Великий раскол» восточнославянской медиевистики: Семь тезисов к дискуссии // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* 2017. № 1. С. 146–153.
- Мартынюк, Алексей Викторович.* Древняя Русь после Древней Руси: К теоретической постановке проблемы // *Древняя Русь после Древней Руси: Дискурс восточнославянского не(единства).* Москва: Российская политическая энциклопедия, 2017. С. 29–37.

Мартынюк, Алексей Викторович. История средневековой Руси: От политической инструментализации и консерватизма академической традиции к аксиологическому пониманию // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2020. № 1. С. 25–38.

Неменский, Олег Борисович. Особенности этнической самоидентификации Мелетия Смотрицкого // *Леў Сапега (1557–1633 гг.) і яго час.* Гродна: ГрДУ, 2007. С. 304–309.

Неменский, Олег Борисович. Русь и Константинополь в западнорусской полемической литературе после Брестской церковной унии 1596 г. // *Вестник Московского университета. Серия 8. История.* 2010. № 5. С. 14–23.

Силова, Светлана Владимировна. Влияние Византии на культурное развитие и образ жизни горожан ВКЛ (XIV–XVI вв.) // *Гарады Беларусі ў кантэксце палітыкі, эканомікі, культуры.* Гродна: ГрДУ, 2007. С. 245–250.

Силова, Светлана Владимировна. Влияние византийской южнославянской православной культурной традиции и историографии на процесс формирования исторического сознания белорусского общества в XIV–XV вв. // *Хрысціянства ў гістарычным лёсе беларускага народа.* Гродна: ГрДУ, 2008. С. 65–73.

Смалякоў, Дзмітрый Анатольевіч. Сацыяльна-філасофскія погляды рэлігійных палемістаў у Беларусі канца XVI – сярэдзіны XVII стагоддзя. Мінск: Беларуская навука, 2020. 197 с.

Стакопулос, Дионисий. Краткая история: Византийская империя. Москва: КоЛибри; Азбука-Аттикус, 2020. 320 с.

Томсон, Франсис. Мелетий Смотрицкий и уния с Римом: Религиозная дилемма в Рутении XVII века // 400 лет Брестской церковной унии 1596–1996, критическая переоценка: Сборник материалов Международного симпозиума. Неймеген, Голландия. Москва: Библиейско-богословский институт св. апостола Андрея, 1998. С. 177–218.

Ульяновський, Василь Іринархович. Князь Василь-Костянтин Острозький: Історичний портрет у галереї предків та нащадків. Київ: ВД «Простір», 2012. 1370 с.

Ченцова, Вера Георгиевна. Данил Калугер / Даниил Грек / Даниил Оливеберг: Неизвестные страницы биографии политического агента эпохи Богдана Хмельницкого // *Средневековая личность в письменных и археологических источниках: Московская Русь, Российская Империя и их соседи.* Москва, 2016. С. 215–219.

Шустова, Юлия Эдуардовна. Документы Львовского Успенского Ставропигийского братства (1586–1788): Источниковедческое исследование. Москва: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 648 с.

Ševčenko, Ihor. Byzantium and the Slavs // *Harvard Ukrainian Studies.* 1984. Vol. 8. No. 3/4. P. 289–303.

Stanios-Korycka, Ewelina. Zrozumieć Bizancjum // *Res Historica.* 2016. Vol. 41. S. 267–276.

Information about the article

Author: Varabyou, Pavel Anatolievich — postgraduate student, National Institute for Higher Education, Minsk, Belarus, Orc ID 0000-0003-0340-8530, e-mail: wmd2013@mail.ru

Title: The image of Byzantium in the narratives of the Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian Commonwealth (15th – first half of the 17th century)

Summary: The article is devoted to the perception of the heritage of Byzantium in the socio-political thought of the Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian Commonwealth in the period from 1453 to the middle of the 17th century. Already in the second half of the 17th century, the Left-Bank Ukraine left the Polish-Lithuanian Commonwealth, and the Metropolitanate of Kyiv withdrew from the jurisdiction of the Patriarchate of Constantinople. The process of influence of the Byzantine civilization on the East Slavic culture after the fall of the Byzantine Empire is investigated. According to the findings, in the process of discussing the Union of Brest in the written tradition of the GDL and the Polish-Lithuanian Commonwealth, Orthodox, Uniate, Catholic and Reformation narratives developed, in which the image of Byzantium had different shades: from positive to extremely negative, respectively. However, these narratives, which well complement the rather meager information about Byzantium in local letopis sources, are similar in one thing: they tend to see in it not the imperial past, but the current church heritage of the Greek people, which had a significant impact on the historical fate of the lands of Rus'. For the Polish-Lithuanian szlachta as an estate, the heritage of Byzantium was not a source of their own identity. Attempts to update the political idea of the liberation of Constantinople from the rule of the Turks came from the environment of the Greek diaspora of the Polish-Lithuanian Commonwealth. However, such projects were not approved here and were cut off from life. And even a major Orthodox magnate, Prince Wasyl-Konstanty Ostrogski, did not support, albeit difficult to implement, but a more realistic project to transfer the residence of the Patriarch of Constantinople

to the city of Ostrog. He also did not claim political succession from the Byzantine emperors, but did not interfere with the idea of his spiritual succession. The article pays more attention to the writings of Orthodox polemicists, because the heritage of Byzantium is very important and deserves special attention.

Keywords: the heritage of Byzantium, the Grand Duchy of Lithuania, the Polish-Lithuanian Commonwealth, the fall of the Byzantine Empire, the Metropolitanate of Kyiv, the Patriarchate of Constantinople, the Greek diaspora, the religious polemics

References:

- Apanovich, Kristina Olegovna. Pravoslavie v Rechi Pospolitoj i Osmanskoj imperii v kontse XVI – pervoy treti XVII v. [Orthodoxy in the Polish-Lithuanian Commonwealth and the Ottoman Empire at the end of the 16th – the first third of the 17th centuries], in *Khristianskoe chtenie*. 2015. No. 6. Pp. 59–74. (in Russian).
- Chentsova, Vera Georgievna. Danil Kaluger / Daniil Grek / Daniil Oliveberg: Neizvestnye stranitsy biografii politicheskogo agenta epokhi Bogdana Khmel'nitskogo [Danil Kaluger / Daniil the Greek / Daniil Oliveberg: Unknown pages of the biography of the political agent of the era of Bohdan Khmelnytsky], in *Srednevekovaya lichnost' v pis'mennykh i arkhеologicheskikh istochnikakh: Moskovskaya Rus', Rossiyskaya Imperiya i ikh sosedi*. Moscow, 2016. Pp. 215–219. (in Russian).
- Dmitriev, Mikhail Vladimirovich. «Vizantiyskaya» tema v vostochnoslavianskoy reformatsionnoy mysli vtoroy poloviny XVI v. [«Byzantine» theme in the East Slavic reformational thought of the second half of the 16th century], in *Vizantiya. Sredizemnomorye. Slavyanskiy mir*. Moscow: Moscow State University Press, 1991. Pp. 141–154. (in Russian).
- Dzyarnovich, Oleg Ivanovich; Byrledyanu, Virzhiliu; Timoshenko, Leonid Vladimirovich. *Sny o Vizantii? Mesto tsivilizatsionnogo i kulturnogo naslediya Vizantii v regione Pogranichya Tsentral'no-Vostochnoy Evropy* [Dreams about Byzantium? Place of civilization and cultural heritage of Byzantium in the region of Central and Eastern Europe border zone]. Vilnius: European Humanities University Press, 2014. 332 p. (in Russian).
- Gudziak, Borys Andriy. *Kryza i reforma: Kyivs'ka mytropoliya, Tsargorod'skiy patriarkhat i geneza Beresteys'koy unii* [Crisis and Reform: The Kyivan Metropolitanate, the Patriarchate of Constantinople, and the Genesis of the Union of Brest]. Lviv: Institute of Church History of the Lviv Theological Academy Press, 2000. 426 p. (in Ukrainian).
- Kralyuk, Petro Mikhaylovich. *Meletiy Smotrisky i ukrainske dukhovno-kulturne vidrodzhennya kintsya XVI – pochatku XVII st.* [Meletiy Smotrisky and Ukrainian spiritual and cultural revival of the late 16th – early 17th centuries]. Ostrog: National University «Ostrog Academy» Press, 2007. 208 p. (in Ukrainian).
- Levshun, Lyubov Viktorovna. «Russkaya ideya» v epistol'yarnom nasledii knyazya Vasiliya-Konstantina Ostrozhs'kogo [«Russian idea» in the epistolary heritage of Prince Wasyl-Konstanty Ostrogski], in *Studia Historica Europae Orientalis*. 2020. Issue 13. Pp. 97–116. (in Russian).
- Lilo, Igor Mikolayovich. *Greky na teritorii Rus'kogo voyevodstva u XV–XVIII st.* [Greeks in the Territory of the Ruthenian Voivodeship in the 15th–18th centuries]. Lviv: Ivan Franko National University of Lviv Press, 2019. 384 p. (in Ukrainian).
- Lugovtsova, Svetlana Leonidovna. Otsenka lichnosti i deyatel'nosti knyazya Vasiliya (Konstantina) Ostrozhs'kogo v ukrainskoy istoriografii [Evaluation of the personality and activities of Prince Wasyl (Konstanty) Ostrogski in Ukrainian historiography], in *Krynitsaznavstva, arkhеagrafiya, arkhivaznavstva v XX–XXI st. u Belarusi*. Minsk: Belarusian State University Press, 2007. Pp. 114–120. (in Russian).
- Martynyuk, Aleksey Viktorovich. Drevnyaya Rus' posle Drevney Rusi: K teoreticheskoy postanovke problemy [Old Rus' after the Old Rus': To the theoretical formulation of the problem], in *Drevnyaya Rus' posle Drevney Rusi: Diskurs vostochnoslavianskogo ne(edinstva)*. Moscow: Russian Political Encyclopedia Publ., 2017. Pp. 29–37. (in Russian).
- Martynyuk, Aleksey Viktorovich. Istoriya srednevekovoy Rusi: Ot politicheskoy instrumentalizatsii i konservatizma akademicheskoy traditsii k aksiologicheskomu ponimaniyu [The history of Medieval Rus': From political instrumentalization and conservatism of the academic tradition to axiological comprehension], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2020. No. 1. Pp. 25–38. (in Russian).
- Martynyuk, Aleksey Viktorovich. «Velikiy raskol» vostochnoslavianskoy medievistiki: Sem' tezisov k diskussii [«The Great Schism» of Eastern Slavic Medieval Studies: Seven Theses for Discussion], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2017. No. 1. Pp. 146–153. (in Russian).
- Nemenskiy, Oleg Borisovich. Osobennosti etnicheskoy samoidentifikatsii Meletiya Smotriskogo [Features of the ethnic self-identification of Meletiy Smotrisky], in *Lev Sapega (1557–1633 gg.) i yago chas*. Grodno: Grodno State University Press, 2007. Pp. 304–309. (in Russian).

- Nemenskiy, Oleg Borisovich. Rus' i Konstantinopol' v zapadnorusskoy polemicheskoy literature posle Brestskoy tserkovnoy unii 1596 g. [Rus' and Constantinople in Western-Rus' Polemica Literature after the Union of Brest (1596)], in *Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 8. History*. 2010. No. 5. Pp. 14–23. (in Russian).
- Ševčenko, Ihor. Byzantium and the Slavs, in *Harvard Ukrainian Studies*. 1984. Vol. 8. No. 3/4. Pp. 289–303.
- Shustova, Yuliya Eduardovna. *Dokumenty Lvovskogo Uspenskogo Stavropigiyskogo bratstva (1586–1788): Istochnikovedcheskoe issledovanie [Documents of the Lviv Assumption Stavropigian Brotherhood (1586–1788): Source Study]*. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi Publ., 2009. 648 p. (in Russian).
- Silova, Svetlana Vladimirovna. Vliyanie Vizantii na kul'turnoe razvitie i obraz zhizni gorozhan VKL (XIV–XVI vv.) [The influence of Byzantium on the cultural development and life style of the citizens of the GDL (14th–16th centuries)], in *Garady Belarusi v kontekstse palityki, ekanomiki, kul'tury*. Grodno: Grodno State University Press, 2007. Pp. 245–250. (in Russian).
- Silova, Svetlana Vladimirovna. Vliyanie vizantiyskoy yuzhnoslavyanskoy pravoslavnoy kul'turnoy traditsii i istoriografii na protsess formirovaniya istoricheskogo soznaniya belorusskogo obshchestva v XIV–XV vv. [The influence of the Byzantine South Slavic Orthodox cultural tradition and historiography on the formation of the historical consciousness of the Belarusian society in the 14th–15th centuries], in *Khrystsiyanstva v gistorychnym lyose belaruskaga naroda*. Grodno: Grodno State University Press, 2008. Pp. 65–73. (in Russian).
- Smalyakov, Dzmitriy Anatolyevich. *Satsyyal'na-filosofskiya poglyady religiiynykh palemistav u Belarusi kantsa XVI – syaredziny XVII stagoddzya [Social-philosophical views of religious polemicists in Belarus of the end of the 16th – mid of the 17th century]*. Minsk: Belaruskaya navuka Publ., 2020. 197 p. (in Belarusian).
- Stanios-Korycka, Ewelina. Zrozumieć Bizancjum [Understand Byzantium], in *Res Historica*. 2016. Vol. 41. Pp. 267–276. (in Polish).
- Statakopoulos, Dionisij. *Kratkaya istoriya: Vizantiyskaya imperiya [A Short History of the Byzantine Empire]*. Moscow: KoLibri Publ.; Azbuka-Attikus Publ., 2020. 320 p. (in Russian).
- Thomson, Francis. Meletiy Smotritskiy i uniya s Rimom: religioznaya dilemma v Rutenii XVII veka [Meletius Smotritsky and union with Rome: the religious dilemma in seventeenth-century Ruthenia], in *400 let Brestskoy tserkovnoy unii 1596–1996, kriticheskaya pereotsenka: Sbornik materialov Mezhdunarodnogo simpoziuma. Neymegen, Gollandiya*. Moscow: The biblical and theological institute of the holy apostle Andrew Press, 1998. Pp. 177–218. (in Russian).
- Ulyanovskiy, Vasil Irinarkhovich. *Knyaz' Vasil-Kostyantyn Ostrozkiy: Istorichniy portret u galerei predkiv ta nashchadkiv [Prince Wasyl-Konstanty Ostrogski: A historical portrait in the gallery of ancestors and descendants]*. Kyiv: «Prostir» Publ., 2012. 1370 p. (in Ukrainian).
- Veremeev, Sergey Fedorovich. Ipatiy Potey — khristianin, senator, episkop: Mezhdru Vostokom i Rimom [Hypatius Pocij — Christian, Senator, Bishop: Between East and Rome], in *Paleorosiya. Drevnyaya Rus': Vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh*. 2021. No. 1. Pp. 52–73. (in Russian).
- Voronin, Vasilij Alekseevich. K probleme vzaimootnosheniy pravoslavnykh i katolikov v Velikom knyazhestve Litovskom v kontse XIV – seredine XVI v. [On the problem of relations between the Orthodox and the Catholics in the Grand Duchy of Lithuania at the end of the 14th to the middle of the 16th centuries], in *Istoricheskij vestnik*. 2014. Vol. 7. No. 154. Pp. 136–159. (in Russian).